КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ МОДЕРНА

И.В. Пржиленский

Автор рассматривает проблему ценностей в философском дискурсе модерна. Анализ понятий традиционной аксиологии, а также пути их эволюции в истории философской мысли приводит к выделению двух подходов. Первый, условно называемый онтологическим, приводит к разделению как объектов природы, так и мышления на ценные либо не представляющие ценности. Второй подход, предполагающий некий ценностный релятивизм, условно можно назвать диспозиционным. Место и значение конкретных ценностей зависят в такой структуре от иерархии, взаимообусловленности и места ценностей в единой системе.

Ключевые слова: ценность, структура ценностей, аксиология, модерн, мышление, личность, культура, система, общество, ценностный релятивизм.

CONCEPTUALIZATION OF VALUES AND THEIR INTERPRETATION IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF MODERN

I.V. Przhilenskiy

The author considers the problem of values in the philosophical discourse of modern. The analysis of the concepts of traditional axiology, as well as the path of their evolution in the history of philosophical thought, leads to the identification of two approaches. The first, conventionally called ontological - leads to the division of both objects of nature and thought into valuable or non-valuable ones. The second approach, which assumes certain value relativism, can be called dispositional. The place and meaning of specific values in such a structure depend on the hierarchy, interdependence, and place of values in a single system.

Key words: value, value structure, axiology, modern, thinking, personality, culture, system, society, value relativism.

Философское обсуждение понятия модерна, которое получило новый импульс благодаря кризису концепций постмодерна и их многочисленных интерпретаций, приобрело настолько всеобъемлющий характер, что ставшие уже классическими социальные теории современного общества приобретают новое и даже неожиданное звучание. В полной мере это относится и к концепту «ценность», интеграция которого в философский дискурс о модерне обусловлена необходимостью гармонизировать отношение между субстантивизмом классической гносеологии и релятивизмом неклассической эпистемологии, а также интегрировать новые смыслы в коммуникативную теорию общества.

Одним из актуальных вопросов философского дискурса модерна, касающихся роли понятия ценности в общественных науках, на сегодняшний день остается выделение принципов и предельно общих идеалов в структуре ценностных отношений. В современной аксиологии достаточно сказано и написано о классификациях ценностей, выстраивании иерархических структур, равно как и об их

исторической трансформации. Однако, к вопросу о достоверности и точности такого знания, нужно понимать, насколько рассуждения и измерения общественных настроений, социологические исследования и замеры разных сфер социального бытия дают нам точную картину о действительных ценностных установках. Насколько личности, семье, социальной группе, обществу, нации и человечеству вообще могут быть присущи или, напротив, чужды те или иные ценности. А также по какой причине они меняются, подчас стремительно и скрыто от взгляда наблюдателя? Наконец, насколько возможно разделить ценности на всеобщие, являющиеся в некотором смысле абстрактными, и эмпирические, нормативные, культурные?

Необходимость достижения определенности в вопросе об основаниях аксиологии обусловлена той уникальной ситуацией, которая сложилась в современных системах знания благодаря «кантианско-коперниканскому» повороту в философии. Именно кантовский трансцендентализм превратил ценности в главный регулятив не только деятель-

Пржиленский Игорь Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

Przhilenskiy Igor Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol).

E-mail: yesdreamer@yandex.ru

© Пржиленский И.В., 2020

ности, но и знания. А поскольку обращение к ценности не снимает окончательно вопрос об основаниях, но переносит их в иную плоскость – плоскость целеполагания. Отделение культуры от природы и, до известной степени, противопоставление ей создали уникальную возможность сделать практический разум и деятельность подлинным основанием для знания и познания.

С точки зрения классической аксиологии описание неких устоявшихся общечеловеческих, системообразующих ценностей также в разные периоды имело различные методологические основания. Хотя формально исторический момент зарождения теории ценностей и появление аксиологии как самостоятельной части философской науки и принято относить к периоду второй половины XIX в. и, в частности, с введением самого термина в 1902 г. французским философом П. Лапи и позднее Э. фон Гартманом, фактически эта область познания гораздо старше. Можно сказать, что она стара как сама философия по причине рассуждения о ценностях как целях, планах, нормах, должном практически во всех философских школах. Многие идеи повседневной аксиологии берут начало в философии античного периода, но в современном преломлении они изменяются до неузнаваемости [3: с. 66].

Рассуждения Платона о разграничении между сущим и должным приводят его к выводам о мире идей, который является неким идеалом и образцом не только для предметов материального мира, но и для поведения людей, общественных норм. Таким образом, ценности как абстрактные свойства предметов, людей, правил и целей становятся важным и одним из центральных предметов осмысления античной философии [4]. В философском дискурсе модерна эта конструкция по-прежнему работает в неокантианской философской традиции или в метафизических доктринах XX в., таких, например, как системы Н. Гартмана и А. Уайтхеда.

Позднее различные подходы к понятию ценностей и их интерпретации обусловили ряд направлений в аксиологии, каждое из которых описывало значимость, нужность и ценность различных явлений с точки зрения потребностей индивида и личности, групповых интересов, их генезиса. Разделение самих ценностей на группы также влияло на выработку новых классификаций и подходов.

Понимание ценностей как объективных факторов действительности, которые практически созерцаемы, а их происхождение обусловлено биологическими и психологическими человеческими потребностями [2: с. 38], свойственно теории натуралистического психологизма, представителями которой были такие философы, как Д. Дьюи, А. Майнонг. Здесь целеполагание рассматривается

как свойство, присущее всем биологическим организмам, а ценности как вид целей или даже поведенческих стимулов.

Уже в советское время заметный вклад в осмысление этого подхода в аксиологии внес В.П. Тугаринов, который в рамках материалистического подхода понимал ценности как потребности или стимулы. В полном соответствии с духом советской версии марксизма он выделял три класса ценностей: класс материальных ценностей (пища, кров, одежда и т.п.), класс социально-политических ценностей, например свобода, и класс духовных ценностей, таких как справедливость или истина [9].

В целом натуралистический психологизм исходит из того, что природа человека предполагает уже заложенные и обусловленные биологическими и психологическими потребностями ценности, которые в ходе жизни человека фиксируются эмпирическим путем. При этом они могут подразделяться на индивидуальные и коллективные, личные и общественные, в том числе не только материальные, но и, говоря несколько упрощенно, духовно-абстрактные.

Иначе к ценностям как явлению, не связанному с человеческими желаниями и потребностями, подходили философы-неокантианцы, в частности представители Баденской школы. Теорию трансцендентализма в аксиологии принято связывать в первую очередь с именами В. Виндельбанда и Г. Риккерта. В их понимании ценность относилась к идеальному бытию, и была первичным звеном, соотносимым не с практическим знанием, исходящим из эмпирики, но с трансцендентальным, т.е. чистым сознанием.

Ценности рассматривались и с позиций персоналистического онтологизма, как объективно существующие идеи, заложенные в личность и каждого индивида независимо от культуры и воспитания, религиозных, правовых и идеологических норм. По мнению М. Шелера, ценности настолько объективны, что они «не могут быть созданы или уничтожены... они существуют независимо от всех организаций определенных духовных сущностей» [14: р. 111].

Идею о том, что мир ценностей существует «над природой» и является неким «логосом», который определяет целеполагание личности, развивали в своих работах такие философы, как Ж. Маритен, Э. Жильсон, Л. де Реймекер. В частности, Л. де Реймекер в своем понимании термина «ценность» отмечает, что он «имеет тот же смысл, что выражение схоластов *tatio boni*, и означает, что такая-то вещь хороша. Ценность это то, что не оставляет равнодушным, достойно быть познанным, прочувствованным, к чему надлежит стремиться и чего достойно желать» [13: р. 252–253]. В учении неотоми-

стов в части вопросов аксиологии ценности рассматривались как некое свойство бытия вещей, определяющее цель и норму их существования. В частности, человеческие ценности подразделяются в этой концепции на духовные, т.е. ценности «в себе», и материальные – созданные человеком: их можно отнести к общественным ценностям. И это разделение весьма близко коррелирует с подобной классификацией в теории натуралистического психологизма.

С точки зрения структурного релятивизма ценности могут изменять свое значение и даже корреляцию с общественной моралью в зависимости от трансформаций в обществе, объективных исторических изменений, и даже разности политических, идеологических или экономических моделей. Относительно новая традиция в осмыслении ценностей – культурно-исторический релятивизм, который был описан в трудах П.А. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера, – получила распространение в первой половине XX в.

В этой парадигме социальные системы понимаются как культурно и исторически уникальные сложные структуры, чье развитие обусловлено различными ценностями, различными ментальными и поведенческими особенностями. П.А. Сорокин, определяя культуру как совокупность значений, ценностей и норм поведения индивидов, представителей конкретного общества, выделял именно по критерию моральных ценностей обществ из всего многообразия ценностных систем три основные: идеационную, чувственную и идеалистическую культуры [7: с. 218].

По мнению П.А. Сорокина, идеационная культура основана на ценности абсолютных принципов, религиозных, моральных, не связанных с материальным потреблением, решением инструментальных и технологических задач. К ценностям идеационной культуры относятся такие понятия, как Бог, Истина, Красота, Душа. Можно сказать, что такая культура ориентируется на духовные идеалы, и для нее вторичны цели полезности и утилитарности. Все эти аспекты, напротив, присущи чувственной культуре, которая основана на гедонистических ценностях, ценностях комфорта и уюта, сиюминутного личного блага. П.А. Сорокин также называет эту форму, которая, по его мнению, характеризует современное общество, сенсорной и эмпирической. Она в большей степени способна приспособиться к реалиям нашего мира, потребностям общества и личности.

При этом третий тип культуры – идеалистический – П.А. Сорокин называет синтезом первых двух: он подразумевает наличие как духовных целей, так и «земных» гедонистических и эвдемонистских ценностей и потребностей. Эта ценностная система, как нам видится, является в большей

степени адекватным отражением не только современного общества, но и любого типа, так как сложно представить себе идеационную или чувственную систему ценностей по П.А. Сорокину, существующую в чистом виде. Можно лишь сказать о том, что те или иные ценности могут играть большее или меньшее значение в различных обществах, составлять отличное пропорциональное соотношение, причем как в пользу духовных, так и материальных ценностей. Можно ли сказать, что выделение П.А. Сорокиным данных типов культур вторит уже отмеченному нами разделению ценностей на духовные и материальные? Наверное, такая корреляция будет справедливой лишь отчасти. Так, чувственный тип ценностной культуры не исключает наличия духовных и моральных ценностей: например, понятия счастья, радости, комфорта не могут быть однозначно отнесены к материальным ценностям.

Однако реализация этих благ часто зависит от наличия именно предметов материального мира. Так, в современном понимании комфорт достижим посредством приобретения различных материальных благ, предметов техники, одежды, недвижимого имущества, автомобилей, а также наличия достаточных средств для получения тех или иных услуг. Из этого исходит модель общества потребления, в котором у обычного гражданина ценности материального мира приобретают первостепенное значение.

Эту мысль развивал и О. Шпенглер, который еще в первой трети XX в. видел проблему современной западной цивилизации в «отмирании» и деградации высших культурных ценностей, что обрекает ее на неизбежную гибель. По мнению О. Шпенглера, межчеловеческие отношения в такой ситуации перестают регулироваться внерациональными чувствами: религией, обычаями, идеалами и противопоставлением добра злу. На смену им отношения строятся на основании пользы и расчета, материальных выгодах.

О. Шпенглер выделял в своей типологии ряд исторически сложившихся отличных культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западноевропейскую и культуру майя. Каждая из них отличалась собственными философией, искусством, религией и системой ценностей. При этом ценности не могут быть навязаны той или иной цивилизации извне, они обнаруживаются внутри и определяются из глубины индивидуальной и социальной жизни [11: с. 637].

Противопоставление материальных ценностей и духовных, сконцентрированных в культуре, с точки зрения исторического релятивизма обуславливает развитие цивилизаций, а позднее – их упадок и смерть. Так, О. Шпенглер видел в стадиях развития

каждой культуры несколько этапов: рождение, развитие и упадок. При этом цивилизация, которая неизбежно сопровождает процесс развития общества, все больше опирается на рациональность и тем самым ведет к деградации культуры и духовности, часто иррациональной и труднообъяснимой.

Обусловленность ценностей историческими процессами сводится, таким образом, не только к выявлению типов культур, закономерностей их развития, детерминированных социально-историческими, географическими и иными условиями, но и к внутреннему состоянию духовных потребностей и приоритетов общества, стадии развития, которую проживает в конкретный момент та или иная цивилизация.

Трактовка ценностей и даже появление своеобразного ценностного «абсолюта» как неотъемлемой особенности и свойства исторической эпохи и своего времени находит отражение и в социологической концепции ценностей. В концепции «понимающей социологии» М. Вебера существует некий единый, наиболее адекватный эпохе идеальный тип ценностей, который отвечает интересам общества в конкретный момент, он свойствен вообще данной эпохе и наиболее полезен социуму.

Этот идеал может включать в себя набор религиозных, культурных, политических, экономических ценностей, понимание морали, которые для каждого времени изменяются под воздействием множества факторов и никогда не являются отражением существующих в данном обществе реалий. Его нельзя извлечь и проверить эмпирическим путем, данный идеал выступает скорее моделью желаемого будущего, тем оптимальным утопическим состоянием, к которому стремится общество, но достижение которого как и любой утопии невозможно по определению.

Выстраивание такого теоретического конструкта всегда помогает оценить устремления и целеполагание как индивида, так и целей, присущих обществам в различные эпохи. При этом получение знания с точки зрения методики по М. Веберу должно быть связано с вычленением из многообразия эмпирического материала тех моментов и явлений, которые позволят судить о главных чертах индивида, а именно — о его отношении к ценности [1: с. 36–38].

В настоящее время оценка тех или иных благ и явлений в обществе сводится к разделению на терминальные (окончательные) и инструментальные ценности, которые могут быть в первом случае итоговой целью в жизни индивида или сообщества, а во втором имеют ценность как средство и инструмент для достижения этих целей. Эта классификация была введена в оборот американским пси-

хологом М. Рокичем, который в своих работах предложил перечень таких ценностей [12].

Так, к терминальным целям, по мнению М. Рокича, можно отнести мудрость, любовь, свободу, семейную жизнь и дружбу, собственное счастье и счастье близких и др. Такие ценности в общем можно назвать универсальными, так как стремление к ним присуще человеку вне зависимости от эпохи, типа общества, иных свойств индивида, таких как пол или национальность, род деятельности и т.п.

Впрочем, набор таких ценностей, а также их значение и иерархическая последовательность в жизни человека выстраиваются в зависимости от множества факторов, таких как воспитание или религия, культура и образование. К примеру, в системе религиозных ценностей может воспитываться настрой на достижение одних ценностей путем отказа или обесценивания других благ, аскезы и т.п.

Также отличными могут быть ценностные установки в обществе, в зависимости от идеологических и политических доминант: в современном мире часто противопоставляются различные ценностные конструкции. Так, коллективизм и ценность общественного блага противопоставляются индивидуализму, концепции собственного блага, провозглашению человека и его интереса высшей ценностью. Этот антагонизм находит отражение в идеологиях целых государств, их правовых доктринах. Противопоставляются могут приверженность ценностям потребления и материальным благам духовным, абстрактным, так называемым вечным ценностям.

Инструментальные же ценности как некоторые методы и средства для достижения терминальных целей могут включать в себя навыки и практические познания, аккуратность и ответственность, образованность и рационализм, трудолюбие, широту взглядов и наличие твердой воли. Они представляют собой скорее набор тех умений и свойств для получения необходимых благ. Само по себе каждое из них является благом, но имеет значение лишь для достижения какой-то цели. Так, образованность сможет помочь человеку в достижении мудрости, которая, по мнению М. Рокича, является конечной ценностью-целью. Либо же любовь как цель может быть достигнута человеком, «умеющим любить».

В философии модерна ценности определяют понимание целей личности на индивидуальном уровне, а также общества в целом. В трудах Р. Декарта, Ф. Ницше и М. Хайдеггера Новое время озаменовано идеей перехода центра и масштаба существующего к человеку, выстраивание системы антропоцентризма в культуре и истории. Дискурс XIX и первой половины XX в. связывает общество модерна с ослаблением социальных связей, дефор-

мацией социальных практик, в частности таких, как ослабевающие религиозные.

Необходимость поиска новых рационалистских практик восходит к Г. Гегелю, а у Ф. Ницше превращается в потребность критического разума в новой мифологии. М. Хайдеггером были сделаны небезуспешные попытки соотнести «онтологическое понятие техники, тоталитарного, политического с целями анализа современности; в этих попытках, однако, и состоит вся ирония: мышление бытия тем сильнее привязано к научной моде, чем больше оно верит в то, что вышло за границы пространства научного производства» [10: с. 151].

С методологической точки зрения ценностный тип мышления с позиции субъекта предполагает безусловное эмоционально окрашенное отношение к миру и самому себе, связанное с личным опытом, особенностями биографии, темпераментом, мироощущением и т.п. Часто он вообще иррационален и связан с интуитивной оценкой собственных переживаний. По этой причине ценностное отношение всегда рассматривалось как противоположное познавательному. Лишь во второй половине XX в. ситуация начинает меняться – В.С. Степин, Л.А. Микешина и другие определяют познание как ценностно-детерминированное. В концепции философии науки, развиваемой В.С. Степиным, понятие ценностей связано с третьим этапом развития науки, который он называет постнеклассическим. Согласно указанной позиции к особенностям постнеклассического этапа развития научного знания относится все возрастающая включенность аксиологически обусловленных оснований науки, таких как картина мира, мировоззрение и т.п. «Социальные цели и ценности, – пишет В.С. Степин, – меняющие облик науки как социального института, и внутринаучные, когнитивные факторы действуют в одном направлении – они актуализируют междисциплинарные связи и взаимодействия. Причем в этот процесс наряду с естественными активно включаются и социальные дисциплины, поскольку большинство современных направлений исследования имеют своим предметом сложные развивающиеся комплексы, которые включают человека и его деятельность в качестве составного компонента» [8: с. 422].

Вопросы познания ценностей в большинстве своем ставились в контексте концептуальной оппозиции объективного-субъективного. В XIX в. это были вопросы влияния субъективных предпочтений или культурной, исторической, политической детерминации оценок. Затем, преимущественно в XX в. выводы об актуальности тех или иных общественно значимых ценностей ставились в аспекте их притязаний на значимость. В решение данной философской проблемы внесла существенный

вклад Л.А. Микешина – в контексте исторической эволюции познания ею были обобщены разнообразные концептуализации ценностей и выделены два основных подхода. Первый можно условно назвать онтологическим, результатом которого было разделение – как объектов природы, так и мышления, на ценные либо не представляющие ценности. Второй подход, предполагающий некий ценностный релятивизм, условно можно назвать диспозиционным, так как, по мнению исследователя, роль и значение конкретных ценностей зависят в такой структуре от иерархии, взаимообусловленности и места ценностей в единой системе. «Признание самостоятельного мира ценностей – это, как мне представляется, метафорически выраженное стремление понять, утвердить объективную (вне-субъектную) природу ценностей, способ выражения его независимости от обыденной оценивающей деятельности субъекта, зависящей, в частности, от воспитания, вкуса, привычек, недостатка информации. Ценности – это феномены, сущность которых состоит в значимости, а не фактичности; они явлены в культуре, ее благах, где осела, окристаллизовалась множественность ценностей» [6: с. 344].

Благодаря постепенному смягчению дихотомии объективного и субъективного, характерного для раннего модерна, стала ясна перспектива обоснования возможности сосуществования этих моментов в рамках единого дискурса. Л.А. Микешина предложила объединить идеалы гуманитарного и естественно-научного подходов к пониманию ценностей с позиции необходимости выстраивания диалога между двумя точками зрения: абстрактно-всеобщей и эмпирически-диспозиционной. По ее мнению, соединение двух этих позиций позволяет, с одной стороны, признать устойчивые общечеловеческие, родовые, социальные и культурные ценности как образцы, идеалы и традиции, а с другой стороны – не исключает изучение подвижных, изменчивых, релятивных, к числу каковых обычно относят национальные, классовые, групповые и индивидуальные целевые установки и предпочтения [5: с. 6–17].

Градация ценностей в структуре общества модерна связана с уходом от понимания модерна как историко-культурного феномена, относящегося к конкретному периоду европейской истории, к описанию более универсального подхода к системе ценностей – актуальной не только для западной, но в целом для современной глобальной культуры. Философия модерна, как представляется, не только выработала особые критерии и классификации общественных и индивидуальных ценностей, но создала собственный, концептуально отличный от предыдущих периодов теоретический и методологический аппарат. Парадигма ценностной детерми-

нации многих социальных процессов позволила аксиологической проблематике занять особое место в дискурсе модерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, М. Критические исследования в области логики наук о культуре / М. Вебер // Культурология: XX век. – Москва, 1995. – С. 7–56.
2. Григорьева, С.Н. Проблема категории ценностей в философии, психологии, социологии и педагогике / С.Н. Григорьева // Молодой ученый. – 2016. – № 6.2. – С. 37–41.
3. Ивин, А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы/ А.А. Ивин // Философский журнал. – 2010. – №1(4). – С. 66–78.
4. История этических учений / под общ. ред. А.А. Гусейнова. – Москва, 2003. – 911 с.
5. Микешина, Л.А. Современное развитие понятия «ценность» / Л.А. Микешина // Ценности и смыслы. – 2009. – № 1(1). – С. 6–17.
6. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы / Л.А. Микешина. – Москва : Наука, 2002. – 624 с.
7. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – Москва, 1992. – 543 с.
8. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
9. Тугаринов, В.П. Избранные философские труды / В.П. Тугаринов. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1988. – 344 с.
10. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – Москва : Весь Мир, 2003. – 416 с.
11. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 637 с.
12. Рокич, М. Тесты: исследование ценностных ориентаций / М. Рокич // PSYCHOJOURNAL.RU – URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyh-orientaciy-m-rokicha.html> (дата обращения: 15.09.2019).
13. Reymecher, L.D. Philosophie de l'être. / L.D. Reymecher. – London, 1947. – 431 p.
14. Scheler, M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wert-ethik / M. Scheler/ – Berlin, 1954. – 676 p.